

ЗАЛП!

ПУШЕЧНЫЙ НАРЯД

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Григорьевич Корчевский

Залп! Пушечный наряд

Серия «Пушкарь», книга 3

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16898727

Феникс;
ISBN 978-5-222-42005-8

Аннотация

Скорострельный фантастический боевик от автора бестселлеров «Пли! Пушкарь из будущего» и «Огонь! Бомбардир из будущего». Наш человек на службе Петра Великого. Новые приключения канонира из нашего времени, заброшенного в далекое прошлое.

Он ускользнет от наемных убийц, подосланных французским королем.

Он подорвет корсарский корабль, посмевшийся напасть на русское судно.

Он добудет пиратский клад Карибского моря, не только расстреляв французскую эскадру, но и разгромив ураганым артиллерийским огнем вражеский форт.

Орудиям правого борта!

Наводи!

Целься!

ЗАЛП!!!

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юрий Корчевский

Залп! Пушечный наряд

Глава 1

Три недели я как проклятый изучал разговорный итальянский, понимая, что без языка не будет работы. Даже думать я заставлял себя на итальянском. Сначала было чрезвычайно тяжело, затем полегче. Со слугами в доме я старался говорить только по-итальянски, лишь иногда вставляя английское словечко и требуя его перевода. Конечно, за такой срок я не стал говорить хорошо, понимал уже все, но говорил с угадываемым чужеземным акцентом, приблизительно как кавказец, приехавший с юга торговать на Дорогомиловском рынке в Москве. Пока Винченцо не уехал по своим делам – а все корабельные походы длятся долго, я попросил его ввести меня в круг купцов, рекламируя как знаменитого врача.

– Не врача, – поправил Винченцо. – В Европе давно, уже лет сто, когда говорят про хирурга – то это те, кто оперирует, а врач лечит мазями, пилюлями, сушеными тараканами и прочим. Так как тебя представлять?

– Тогда хирургом. Я думаю, что врачей в Венеции полно, хирургов мало, а моего уровня нет и вовсе.

– Договорились. И ещё – повесь красочную вывеску, что-

бы каждый, кто умеет читать – а это в основном люди дворянских фамилий или богатые, проезжая мимо твоего дома, запоминали, что здесь живет хирург. Когда понадобится – сразу вспомнят.

И верно, из моего века я помнил, что реклама – двигатель торговли. Начал спрашивать слуг – где мне найти художника, нарисовать вывеску. С трудом, через знакомых, меня познакомили с живописцем. Жил он в подвале, жил бедновато, судя по обстановке. Сам был одет живописно, но одежда явно просила замены. Я представился:

– Кожин, хирург, пришел просить вас нарисовать мне вывеску.

– Рембрант Хармс ван Рейн, свободный живописец из Голландии.

Я осмелел. Передо мной стоял один из величайших художников Средневековья, его картины выставлялись в лучших и знатнейших музеях и галереях мира; картины – изредка попадавшие на аукционы Пола Кристи, стоили миллионы – жил в подвале, жил в нищете. Как несправедлива жизнь!

– Так чего вы хотели?

– Написать вывеску, любезный.

Я рассказал, что должно быть изображено на вывеске, какая надпись.

– Да, понятно, синьор. К завтрашнему вечеру будет готово, и я сам принесу её к вам. Скажите адрес. – Я назвал адрес. Художник помялся: – Вывеска будет стоить один эску-

до, деньги я хочу получить авансом. Надо купить краску.

В углу я заметил холст, накрытый тряпкой.

– А что там?

– Там две мои картины, одна уже закончена, вторая пока в работе.

– Можно посмотреть?

Художник откинул тряпицу. В темном подвале как будто засияло солнце. Это была одна из самых знаменитых картин художника – «Портрет Титуса», в типичных для Рембрандта золотисто-красных тонах.

Рядом стоял незаконченный натюрморт.

– Сколько стоит портрет?

– Зачем он вам, синьор? Мне его заказали, но не выкупили, теперь вот пылится в мастерской. Натюрморты ещё как-то покупают, вот и пишу. А вы и вправду желаете купить? Я недорого отдам эту картину – всего три золотых дуката.

Я развязал кошелек, отсчитал пять золотых монет – три за портрет, два авансом за натюрморт. – Устроит?

– Да, синьор. – Художник заулыбался. – Теперь я смогу рассчитаться с долгами и вернуться на родину, в Голландию.

Мы скрепили сделку рукопожатием; я снял портрет, сунул его под мышку. Рембрант семенил рядом. – Я знаю одного хорошего краснодеревщика, он делает хорошие рамы, не прислать ли его синьору?

Хм, ждать предложения. Я вышел на улицу, взглянул на портрет при солнечном свете – и подпись Рембранта на ме-

сте. Художник клятвенно заверил, что как только закончит натюрморт, сам доставит его по известному ему уже адресу.

Придя домой, достал бутылку вина, налил в стаканчик и стал любоваться приобретением. Очень, очень ценное приобретение, великолепная картина.

Да это просто редкая удача – купить картину великого голландца. Ходят богатые снобы и не знают, мимо чего прошли. Повезло, несказанно повезло! Я допил бутылку, аккуратно пристроил портрет на стене. Теперь, просыпаясь, я буду первым делом видеть шедевр.

Сказать Винченцо, что ли? Оценит ли? Это не купил – перевез – продал. Быстрого обогащения не получится. Искусство не всегда сиюмоментно, иногда величие гения способны оценить только потомки, иногда далекие.

Ни завтра к вечеру, ни послезавтра вывески не было. Подождав ещё день, пошел в мастерскую к художнику сам. Незаконченный натюрморт так и стоял в углу, вывески в ближайших углах не наблюдалось тоже. Художник, не обращая внимания на мой приход, сосредоточенно писал на холсте.

– Стойте так! Чуть левее голову.

Постояв так с полчаса, я подошел к художнику. Ёшкин кот! На холсте был я собственной персоной. Лицо – точная копия, одежда, правда, не моя – богаче, с жабо и синим камзолом. Художник меня явно приукрасил. Фона пока не было. Но за этим дело, я думаю, не станет.

– Вот! – Художник гордо посмотрел на меня. – Скоро

портрет будет готов. Ещё пара дней, и готово.

– Господин Рембрант, я заказывал вывеску!

– Да что вывеска, успеем, давно не встречал такую фактуру, как я мог не написать? Синьор, наберитесь терпения.

Ну что с ним поделаешь? С великими не поспоришь. Подождем, тем более у меня никогда не было портрета, а уж кисти известного художника – и подавно. «Ладно, – идя домой, размышлял я. – Пусть будет портрет, а вывеска – ну днём раньше, днём позже».

Работа над картиной затянулась на пару месяцев. Хорошо, что я понял, что вывески мне от Рембранта не видать, и подстраховался у другого художника, порекомендованного местным аптекарем. Тот не заморачивался, что сказано – то и сделал, точно в срок.

Винченцо сдержал слово – вывел меня в свет. На состоявшуюся вечеринку захватил и меня. Купцы порешили свои торговые дела и приступили к делу более приятному – танцам, вину. В зале на балкончике играл небольшой оркестр, синьоры приглашали синьорит. Я не танцевал, присматривался, как это делали другие. Мой приятель Винченцо не пропускал ни одного танца и подошел ко мне покрасневшийся.

– Чего стоишь, не танцуешь?

– Не умею танцевать ваши танцы. Пока посмотрю.

– Присматривайся, но не очень долго, посмотри, какие дамы, и, по-моему, некоторых ты не оставил равнодушными.

Конечно, почти все итальянцы брюнеты, да и мелковаты телосложением. Не заметить блондина ростом метр восемьдесят было трудно. Одет я был по итальянской моде, выбрит, в отличие от русских купцов или мастеровых. До Петра на Руси чужеземцев и узнавали по выбритому лицу. Иногда я замечал на себе любопытные женские взгляды.

К одной из женщин, что сидела за столиком, я подошел сам, вежливо поклонился, спросил разрешения присесть. И подошел не из-за мужских желаний, а просто увидел на руке липому. Дама искусно прикрывала липому то веером, то другой рукой, но глаза врача не обманешь.

– Синьорита, прошу меня извинить, я могу помочь вам избавиться от этой штуковины, – я указал на липому.

Дама покраснела и убрала руку со стола: – Нет-нет, со мной все в порядке.

Ну что же, зачем быть нахальным, было бы предложено. Однако через пару дней дамочка заявила ко мне, хотя адреса я не давал. Смущаясь и краснея, она поздоровалась и попросила извинить её за легкомысленный отказ. Так-то лучше.

После осмотра я предложил вырезать липому, прямо сейчас. Дама что-то лепетала о том, что она боится, но я пообещал постараться сделать не больно, предложил для храбрости стакан вина, предварительно накапав туда настойки опия. Когда прошло полчаса, достаточных для действия лекарства, я сделал небольшой разрез, вылушил липому из ло-

жа, аккуратно зашил рану конским волосом, забинтовал.

Я не зря бегал в Москве учиться к пластическим хирургам. Такой шовчик после заживления будет почти незаметным. Наказав даме завтра и несколько последующих дней ходить на перевязки и не мочить повязку, я проводил её до выхода, где ждала коляска.

Несколько дней дама аккуратно посещала меня для перевязок. Через неделю я снял швы. Шовчик был просто загляденье – аккуратный, пока красный, но я пообещал даме, что через пару месяцев он станет незаметным.

Дама расплатилась, бурно проявила свой итальянский темперамент водопадом комплиментов. Первый пациент есть! Начало в Венеции положено. Через несколько дней появился второй – торговец кожами с сильным порезом руки – соскочил нож, он вспомнил меня по вывеске. Потихоньку я набирал пациентов. Но работа была невелика по объёму и довольно рутинная. Однажды я гулял по центру города, впереди остановилась коляска; поддерживаемая слугой, из нее вышла молодая синьора. Лицо её было бы красиво, если бы его не портил нос – довольно некрасивый, да ещё и с бородавкой на кончике. Я стал мысленно прикидывать ход операции, когда меня толкнул слуга:

– Чего пялишься на госпожу? Хочешь неприятностей от дожа?

– При чем здесь дож?

– Невежа, это одна из дочерей дожа.

Ах, вот оно что. Стоило крепко подумать, прежде чем предлагать свои услуги.

В случае удачи – но это понятно, но в противном случае – галеры будут ещё не самым тяжким наказанием. Я решил рискнуть. Дождавшись, когда синьорита выйдет из магазина, я приблизился, вежливо поклонился, взмахнув шляпой.

– Осмелюсь побеспокоить Ваше высочество, я хирург и могу попробовать исправить ваш нос.

– Кто вы такой? Я вас не знаю.

Я ещё раз взмахнул шляпой:

– Кожин, Юрий Кожин, хирург из Московии.

– Не слышала о таком, оставь адрес моему слуге, я подумаю.

Поклонившись, я отошел. Слуга толкнул локтем и прошипел:

– Ты хорошо подумал, деревенщина?

Через день к моему дому подкатил экипаж. Слуги проводили ко мне знатного господина. Во взгляде и поведении чувствовалась властность, привычка повелевать. Одет во все черное, на шее массивная золотая цепь, пальцы унизаны перстнями.

– Я управляющий дворцом дожа, любимая дочь властителя сказала отцу, что на улице к ней подошел хирург и предложил свои услуги. Правда ли это?

– Правда, я не отказываюсь от своих слов.

– Знаешь ли ты, что дож приглашал лучших медиков ещё

несколько лет назад, даже привозил из Франции и Англии, никто даже не взялся.

– Не знаю, но я берусь.

– Тебя одолела гордыня, как ты можешь обещать несчастной девочке то, за что не взялись самые знаменитые медики?

– В конце концов, хуже, чем есть, не будет, а я рискую многим.

– Нет, не многим, ты просто рискуешь своей головой. После услышанного ты все-таки хочешь рискнуть?

– Я не переменял своего решения.

– Хорошо, я передам твои слова дожу. Кто может засвидетельствовать твое мастерство?

Я перечислил несколько человек, в первую очередь Винченцо.

– Да, я знаю синьора Винченцо, это достойный человек.

Прошло два дня. Ближе к вечеру к дому подъехала карета, и уже знакомый управляющий дворцом дожа Джузеппе Витарди вошел в дом.

– Вас приглашает к себе дож. Пожалуйста, оденьтесь поприличней, и прошу в карету.

Он окинул скептическим взглядом мое жильё и вышел. Быстро, по-армейски я переоделся в своё лучшее платье – выбор-то был невелик – и сел в карету. Ехали недолго, буквально несколько минут, въехали во двор, но не с парадного входа. Джузеппе долго вел меня по запутанным коридорам. Наконец мы зашли в небольшой зал.

Очень, очень богатый. По стенам висели картины – в основном портреты предков дожа. Шитые золотом тяжелые шторы прикрывали окна, создавая в зале полумрак. Потолок расписан фресками на библейские темы. Мраморный пол укрыт толстенным, явно мусульманской работы ковром. У дальней стены, за столом из палисандра сидел уже пожилой, сухощавый и почти седой дож. Внимательный взгляд карих глаз тщательно осмотрел меня, я склонился в поклоне.

– Ты дерзкий человек, хирург. Мне сказали, что ты из Московии. Это правда?

– Да, Ваше величество.

– У тебя была такая обширная практика, что ты готов взяться исправить ошибку природы у моей любимой дочери?

– Да, Ваше величество.

– Я рискую лицом дочери, ты в случае неуспеха рискуешь всем, ты это понимаешь?

– Да, Ваше величество, я ставлю её нос против своей головы.

Дождь склонил голову в раздумье, затем дёрнул за шнурок звонка. В зал зашла дочь.

– Посмотри ещё раз. Может, ты переменишь свое мнение? Я приблизился и впился взглядом в лицо.

Так, сделаю разрез так и так, бородавку убери вместе с небольшим лоскутом кожи, кости носа придется сломать и создать новую форму. Сложно, но вполне вероятно.

– Да, Ваше величество, я берусь, с одним условием.

– Ты очень дерзок, чужеземец; ставить условия дожу – это верх наглости.

– Я исправлю нос, но до тех пор, пока он не заживет, вы не сможете увидеть свою дочь, она будет находиться в моём доме.

Дождь подумал, кивнул головой:

– Ну тогда и у меня будет условие – пока дочь не выздоровеет, ты не выйдешь из дома, у дверей будет охрана, пищу и питье вам будут привозить из дворца, никто не должен знать или видеть дочь.

Я поклонился:

– Согласен, когда приступаем?

Тут вмешалась дочь:

– Завтра, я хочу быстрее!

Решили начать завтра. Провожая меня, Джузеппе бросил:

– Твой итальянский ужасен, чужеземец, благодари дожа, что он очень любит свою младшую дочь, иначе он тебя бы не слушал. Немногие из венецианцев могут лицезреть дожа, ты же удостоился аудиенции.

На следующий день в неприметной карете привезли пациентку. Зайдя внутрь, у дверей стали два стража с длинными мечами у пояса и мушкетрами на плече. Мои слуги со страхом смотрели на них. Джузеппе пояснил:

– Ваши слуги могут беспрепятственно заходить и выходить. Вас же, синьор, не выпустят ни под каким предлогом, а чужих не пустят в дом. Сменять вовремя стражей, кормить

их – моя прямая забота, у вас же должна болеть голова только об одном – прекрасной Джульетте.

Хм, Джульета. Это навевало определенные ассоциации с трагедиями Шекспира, да и страсти, похоже, начнут разгораться нешуточные.

Я ещё раз осмотрел Джульетту, как мог, успокоил девушку, при этом категорически потребовал выполнять все мои требования и до моего разрешения не смотреться в зеркало.

– А как же я буду расчесываться?

– На ощупь, милая синьорита, а впрочем, несколько дней вам будет не до расчески.

Я ещё раз проверил инструменты, материалы. Случись – чего-то не хватит, ассистентов нет. Положил перед собой листок бумаги, где заранее наметил линии разрезов, налил Джульетте стакан вина с опием. Когда увидел, что опий уже начал действовать, помог взобраться на стол. Подкрашенным спиртом нанёс линии разрезов, перекрестился и глубоко вздохнув – как-то само вырвалось, приступил к операции. Джульетта терпеливо молчала. Я резал, ломал щипцами нос, долотом удалял излишки на носовых костях, аккуратно все ушил, затолкав в нос ватные тампоны для придания носу правильной формы. Дышать теперь Джульетте придется только ртом. Неудобно, конечно, придется дней десять потерпеть. Наконец наложил повязки, помог встать со стола и почти перенес в соседнюю комнату. Джулия постанывала от боли, и мне пришлось дать ещё вина с опием. Уложив де-

вушку в постель, я попросил не трогать повязку руками.

Вымыл руки, посмотрел на часы и удивился – прошло шесть часов. Так вот почему так хочется есть. За дверями слышалась какая-то возня. Я вышел. Посредине зала стоял стол, уставленный жареной и варёной убоиной, фруктами, вином. Здесь же был Джузеппе.

– Как прошло? – бросился он ко мне.

– Я сделал все, что мог, теперь надо ждать.

Я подошел к столу и, не обращая внимания на вопросы, стал жадно есть. Нервное напряжение схлынуло, и организм требовал своего.

Джузеппе, видя моё молчание, уселся рядом и тоже принялся есть.

– Я так переживал, ведь Джульетта выросла на моих глазах, а сейчас она уже невеста. За неё сватался герцог Фламандский.

– Ну и слава богу! – Я перекрестился. – Я думаю, герцогу будет приятно увидеть похорошевшую невесту.

– Так он её и не видел.

Я поперхнулся. Дурак, браки венценосных особ заключаются между дворами, а не по любви.

Расположившись в соседней комнате, я часто подходил к пациентке, щупал пульс, если раны начинали болеть, давал опия. На третий день впервые снял повязки. Лицо было как сплошной синяк, отёчное, нос распух. Если бы её сейчас увидел отец, не стал бы ждать окончания выздоровления, меня

казнили бы сразу. Вот почему я поставил перед дожем такие условия.

Я обильно смазал послеоперационные раны лечебными мазями, которые приготовил сам, снова забинтовал. Голова девушки походила на большой белый шар, открытыми были только глаза и рот. Мы много с ней общались, я внимательно слушал её речь – ведь во дворе учили наряду с правильными манерами и правильному языку. Она же с интересом слушала о моих путешествиях по чужим странам, о пленении, о России. Я мог рассказывать часами, и она, как только я замолкал перевести дух, просила: – Расскажи ещё.

И я рассказывал. Здоровье девушки было уже неплохим, отёк спадал, синева перешла в желтизну. Скорее всего, через неделю можно будет повязки снять совсем.

– Что же ты не просишь расческу, – пошутил как-то я.

– Я же не знала, что вся голова будет в повязках.

Наконец настал день, когда я окончательно снял повязки. Накладывать мази еще надо, но кожа уже свободна от повязок и заживает быстрее. Швы я уже снял. Тем не менее, как ни просила Джульетта зеркало, ей навстречу я не шёл, пока её вид мог её шокировать.

Джузеппе тоже не видел Джульетту, однако мог через дверь слышать её голос, и это его успокаивало.

Вероятно, ему приходилось докладывать дожу, что дочка жива. Но вот как она выглядит – он не знал. В один из дней у дверей раздался шум, стражники с кем-то препирались. Я

подошел ко входу. Оказалось, это пришел Рембрант, принес мой портрет и требовал увидеть меня. Пришлось говорить с ним на пороге. Охрана четко выполняла указание – никого не впускать внутрь и не выпускать меня. Я осмотрел портрет, остался доволен, расплатился с художником, мы раскланялись, я извинился, что из-за некоторых обстоятельств не могу пригласить его в дом, но в ближайшее время навещу его в мастерской.

Еще через неделю лицо Джульетты приняло обычный цвет, отёки исчезли, лишь было едва заметно два небольших розовых шрамика. Я дал Джульетте зеркало, она с нетерпением выхватила у меня из рук.

– О! Мама мия! Белиссимо! Это лучшее, что я себе могла представить! Спасибо, синьор Юрий! – Она бросилась мне на шею, поцеловала в щеку. На глазах её появились слезы. – Теперь я выгляжу великолепно, даже лучше старших сестер; маэстро, вы просто волшебник! Без смущения я смогу танцевать на балах. Поедьте скорее к отцу, он порадуетя и достойно вознаградит вас!

– Хорошо, но с одним маленьким условием.

– Опять эти условия!

– Просто мы наденем легкую накидку и сделаем дожу маленький сюрприз.

– Да, это будет просто замечательно.

Я достал заранее купленную кисею и набросил на её прекрасную головку. В общих чертах лицо проглядывало, но

разглядеть детали не позволяла кисея. Мы вышли из комнаты. В прихожую входил Джузеппе, сзади следовали двое слуг с корзинками, полными снеди.

– Джузеппе, я здорова и красива. Мы едем домой, к отцу!

Джузеппе попробовал откинуть кисею, но Джульетта с удовольствием приняла условия игры и отшатнулась.

– Вы увидите меня во дворце! Быстро едем, мне так не терпится увидеть моего дорогого отца!

Мы вышли из дома, уселись в карету, заняв все места. Джузеппе, садясь в карету, крикнул охранникам и слугам:

– Идите во дворец!

Мы поехали, Джульетта в нетерпении выглядывала в окно кареты; я мог понять ее внутреннее состояние. Заехали на этот раз с парадного входа. Впереди шла Джульетта, за ней Джузеппе, сзади еле поспевал я.

– Джульетта, потише, совсем загонишь старика Джузеппе!

Подошли к парадному залу. Дождь принимал какую-то делегацию, но Джульетта ворвалась с девичьей непосредственностью в зал и остановилась.

Все, и дождь тоже с недоумением уставились на неё. Джульетта подошла к отцу и театральным жестом, как это умеют только женщины, сдернула кисею.

От неожиданности и удивления дождь даже привстал с кресла, затем оправился и попросил всех выйти. Я тоже собрался выйти, но дождь окрикнул:

– Хирург, останься! – Вероятно, он забыл, как меня звать.

Мы остались втроем в зале. Дождь оглядывал лицо дочери с разных сторон. Джульетта стояла пунцовая от удовольствия. Наконец дождь углядел два розовых рубчика.

– А это?

– Через два-три месяца вы их не увидите, прошло слишком мало времени.

– Да, немало удивлен. Неужели в Московии такие искусные хирурги? Знаешь, не там я искал помощи, доверился до сужим разговорам. Чем обязан?

Я решил не скромничать:

– Пятьсот золотых дукатов, операция редкая, в мире никто, кроме меня, не делает таких.

– Хм, это же почти... – Он не договорил.

Дочка обиженно надула губки:

– Ты обещал отдать любые деньги, никто не брался. Сейчас, когда я здорова и прекрасна, ты торгуешься.

– Нет, нет, дорогая, ты меня неправильно поняла.

Он дернул шнурок звонка, сразу же вошел Джузеппе: он выходил вместе со всеми и стоял за дверью. Приблизившись, он удивленно уставился на Джульетту:

– Синьора, неужели это ваше лицо? Да вы просто красавица!

– Я теперь такой буду всегда!

Джульетта крутанулась на каблуке и, гордо неся голову, вышла из зала.

– Отсчитай господину...э...

– Кожину, – подсказал Джузеппе.

– Да, да, Кожину, – пятьсот золотых дукатов.

Он повернулся ко мне:

– Деньги деньгами, но я хочу вас поблагодарить за дочь.

Как любящий отец, я в восторге от вашей работы. Я думаю, вы не покинете мой город быстро, вероятно, недостатка в больных у вас не будет.

Дождь слегка склонил голову; я понял, что аудиенция окончена, поклонился и вышел.

Джузеппе поспешил за мной.

– Синьор, синьор, вы сделали невозможное. Наша девочка просто стала сказочной красавицей. Никто не верил, что возможно такое чудо! Вы исправили ошибку природы.

– Джузеппе, я выполнил свой долг, а теперь хочу получить свои денежки.

– Да, да, извините, я в полном восторге.

Джузеппе довел меня до маленькой комнаты, извинившись, подошел к незаметной двери в стене, нашел потайную пружину и вошел. Слышалось бряцанье мешочков, звон монет. Наконец он вышел, неся в руке увесистый мешочек:

– Пересчитывайте.

Я взвесил в руке – килограмма два.

Развязал мешочек – золотые дукаты.

Ладно, чего их пересчитывать – одной больше, одной меньше.

– Я вам всецело доверяю.

– Синьор Кожин, пойдёмте, я провожу вас и дам карету. Ходить по улицам с такими деньгами не стоит, а лучше положить их в банк или отдать ростовщику под проценты.

– Благодарю вас за совет, синьор, и за карету. Я всенепременно воспользуюсь вашим советом.

Я прекрасно добрался до дома, выпил стаканчик кьянти, отсчитал часть денег и направился в порт. Винченцо я нашел там, у корабля. Команда заканчивала погрузку, и, вероятно, уже завтра корабль выйдет в море.

Мы дружески обнялись, венецианец провел меня в каюту на корме. По пути я осматривал корабль, но нигде не увидел следов разрушения.

– Мы уже все давно отремонтировали, даже сходили в рейс, только недалеко.

Винченцо усадил меня за стол, выставил бутылку вина, фруктов. Пригубили по стаканчику, и я спросил:

– Каков мой долг?

Винченцо удивился:

– А что, ты уже достаточно заработал?

Я рассказал ему о дочке дожа. Винченцо аж поперхнулся вином.

– Это ты про Джульету говоришь?

Я кивнул.

– Да, к ней привозили лучших врачей, и никто не взялся. Ошибка природы. Вся Венеция насмеялась над ее лицом.

– А теперь вся Венеция будет восхищаться её лицом. По-

верь, Винченцо, она теперь красавица.

Венецианец поспешил наполнить бокалы вином, мы выпили, я ещё пребывал в радостном возбуждении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.